

“ВО МНЕ ЕЩЕ ЖИВЕТ ЛЮБОПЫТСТВО”

Жанна Моро — Газете

В Москву приехала великая французская актриса Жанна Моро. Поводом для кратковременного визита послужила подготовка нового телепроекта и близкий фестиваль французского кино. Среди немногих, кому удалось взять интервью у Жанны Моро, оказался Антон Долин.

Что привело вас в Москву на этот раз?
Я приехала вместе с мадам Жозе Дайан, режиссером кино и телевидения, — она снимала сериалы с участием Жерара Депардье, Катрин Денев, с моим участием. Здесь наверняка видели ее «Отверженных» и «Графа Монте-Кристо». Последний наш общий фильм — телеверсия «Ужасных родителей» Жана Кокто. Сейчас она готовит масштабную копродукцию, экранизацию «Проклятых королей» Мориса Дрюона. Будет снято четыре фильма по полтора часа каждый, я играю одну из главных ролей. Здесь мы обсуждали возможное российское участие в проекте. Кроме того, я участвовала в пресс-конференции, посвященной скорому началу фестиваля французского кино в Москве. Я приехала всего на три дня.

Сильно ли изменился город?

Изменения очевидны — в последний раз я была здесь двенадцать лет назад. И здесь же я снималась у Рустама Хамдамова в фильме «Анна Карамозофф» — легендарной картине, которую, кажется, почти никто

Фото: АР

в мире так и не увидел, кроме зрителей Каннского фестиваля. Город изменился внешне — другое освещение, полным-полно новых зданий. Чувствуется, что российская вселенная теперь открыта внешнему миру. Чего-то не увидеть глазами, но оно ощущается: огромная энергия города, живущего интенсивно, меняющегося постоянно. Это витает в воздухе. Город — как дом: полав в него однажды, вы сразу почувствуете, испытывает ли он упадок или, наоборот, полон жизни.

▶ СТР 07

Жанна Моро: «Перед камерой я чувствую себя как рыба в воде. Это моя стихия» (фотография начала 50-х годов) Фото: AFP

401 СТР
Скажите еще пару слов о «Проклятых королях» — цикле, который безумно популярен в России?

Я играю ключевую роль, герцогини Марго Бургундской, остальные вопросы следовало бы задать режиссеру... Связь с Россией вроде бы неочевидна, но события книг Дрюона затрагивали всю Европу — ведь в них рассказывается о причинах Столетней войны. Кроме того, в вопросах копродукции — сами понимаете — деньги не пахнут. Как я понимаю, интерес русских продюсеров вызвало именно имя Дрюона. Кстати, я на стороне международных постановок: стоит мне увидеть фильм, который интересен одним французам, я начинаю умирать со скуки. Надо давать выход своему любопытству, и оно, надеюсь, приведет нас к превосходному результату: масштабному фильму, в котором будут играть актеры из Франции, Англии и других стран.

Ваша карьера беспрецедентна — вы работали с Франсуа Трюффо, Микеланджело Антониони, Жан-Люком Годаром, Райнером Вернером Фассбиндером и снялись в 116 фильмах. Интересно ли вам сегодня играть в картинах молодых режиссеров?

Нет, ни в коем случае. Все мое время. С одной стороны, я стала со временем более эгоистичной, с другой — более щедрой. Перед камерой я чувствую себя как рыба в воде. Это моя стихия. Я люблю играть персонажей, и мне везет с ролями: все мои персонажи просто великолепны. Но у меня есть

желание делить то, что у меня есть, с молодыми... отнюдь не снимаясь в их фильмах! Мне скорее хочется им помочь. Поэтому с июня 2004 года во Франции будет работать киношкола, над открытием которой я сейчас активно тружусь. В ней будут распахнуты двери для молодых мужчин и женщин, уже снявших одну-две короткометражки. Там будут проходить постоянные курсы и мастер-классы по режиссуре, киномузыке, свету, декорациям, костюмам и монтажу.

А если говорить о людях, скажем так, среднего возраста, сравнимых с былыми звездами режиссуры, — такими, как Педро Альмодовар, Ларс фон Триер... Ну да, а во Франции — Франсуа Озон, которому, впрочем, еще тридцати нет. Совсем мальчик, но многообещающий. Их сейчас не называют Большими Мастерами... пока не называют. Помню, критика в пух и прах раздербывала первые фильмы Антониони. Орсона Уэллса критиковали, Трюффо тоже. Только на дистанции становится очевидным масштаб. Не стоит испытывать ностальгию по прошлому. Возьмем того же фон Триера: не могу сказать, что всегда согласна с поддержанием его фильмов, но он настоящий мастер, он волшебник камеры. Или Альмодовар — потрясающий режиссер.

Ну, возьмем Озона: пошли бы сниматься в его «Восьмь женщин»? Нет, думаю, что нет. Хотя, если бы он попросил, я бы могла и согласиться... Поймите, прошел тот момент моей жизни, когда я говорила себе: «О-ля-ля, у этого режиссера

я просто обязана сняться!» Так было, но много-много лет тому назад. Зато теперь я могу сказать: «Мне нравится этот персонаж» — после чего найти продюсера и поставить фильм самостоятельно. Чувствуете разницу?

А говоря о тех, с кем вы работали, вы можете выбрать одно имя: режиссера или актера, который изменил ваш характер или повлиял на ваши профессиональные навыки сильнее других? Все. Абсолютно все. Я не могу никого выделить. Каждый режиссер менял меня — и как человека, и как профессионала. Все они были разными, разноцветными. С режиссерами — как с пищей: приносят вам еду, и вы можете съесть с равным аппетитом сладкое, или соленое, или острое. Овощи, мясо, хлеб: организм нуждается в каждом элементе. По мере жизни я встречала одного режиссера за другим, и так моя карьера шла своим чередом. Есть лишь один режиссер, по поводу которого я сожалею, — я отказала ему, потому что в тот момент была занята. Это Стэнли Кубрик, который приглашал меня сыграть роль в «Спартаке». Я не могла, я сожалею. Кроме этого... Никого не вспомню. К примеру, Оливер Стоун хотел снять меня в своем новом фильме, «Алекса́ндре Великом». Но мне эта роль не показалась интересной! Я позвонила и сказала ему: «Вы со мной только время зря потеряете, а я с вами. Если фильм получится слишком длинным, вам придется вырезать именно те сцены, в которых снимусь я, и я не стала бы вас за это винить. Так что лучше и не просите, каждый останется при своей свободе. Поработаем вместе как-нибудь в другой раз».

Вас не раздражает, когда вам задают вопросы не о кино, а о частной жизни? Нет, потому что я на такие вопросы не отвечаю. Есть личные вещи, о них люди говорят лишь наедине друг с другом — публика тут ни при чем. Я, к счастью, уже прошла ту стадию, на которой всех интересовали мои амурные похождения, скандалы. Я уже не в том возрасте. А говорить о людях, с которыми я близка, было бы нетактично с моей стороны. Я живу одна, а это не слишком интересно прессе.

Что вас интересует в жизни, кроме кинематографа? Я не могу отделять кино от остального. Кинематограф для меня — сама жизнь. Люди думают, что кино — всего лишь кино, но они ошибаются. Благодаря кинематографу я, девочка из бедной семьи, недоучившаяся в школе, встречала великих писателей, философов, художников, поэтов, скульпторов, архитекторов, музыкантов, композиторов... и потрясающих людей, не известных широкой публике. Это сама суть моей жизни. Чтобы стать выдающимся актером, надо интересоваться всем. Без исключения. Все вас питает: внешняя и внутренняя политика, история Вселенной, будущее и прошлое, технология. Важно все. Кинематограф ни в коем случае не замкнутый мир, кинематограф питается всем. Кино — зеркало мира, ваше зеркало. Вы видите в кино себя; если не себя, то тех, кто вас окружает. Это служит образованию, и не только. Кинематограф слишком огромен, чтобы его описать.

А вам доводится иногда отдыхать от кинематографа? Само собой. Когда я готовлю — получаю огромное удовольствие от этого, каждые выходные я накрываю стол для моих друзей. И в эти минуты я забываю о кино. Когда читаю очень хорошую книгу, захожу в чужую вселенную, я взвешиваю талант автора — и забываю о кино. Я слушаю поп-музыку, обожаю французский шансон — и забываю о кино. А бывает, что я вообще ничего не делаю: устаю как дура, ложусь на бок и смотрю на людей, которые проходят мимо окна. И не думаю о кино.

В кинотеатры ходите хотя бы иногда? Никогда. Я дважды была президентом жюри Каннского фестиваля, захожу в административные советы многих организаций — европейского фестиваля, того же Каннского. Дома я постоянно получаю почтой стопки

кассет и DVD. К счастью, у меня отличный домашний кинотеатр с огромным экраном. Иногда, конечно, хочется увидеть фильм вместе с публикой, но такую возможность мне предоставляют фестивали. В Каннах никто не устраивает для президента жюри отдельную проекцию, без зрителей.

Одни режиссеры существуют в кино очень интенсивно, пока их эпоха не приходит к концу, — так было с Трюффо и Фассбиндером. Другие, как Антониони, вопреки всему продолжают снимать, хотя их время давно прошло. Как вы оцениваете эту верность кинематографу, часто идущую вразрез со здравым смыслом? Когда вы несете в себе творческую энергию, она не исчезает до самой смерти... разумеется, если вам сопутствует удача. Есть люди, которые останавливаются гораздо раньше. Что до Антониони, его последний фильм режиссировал не он сам, а Вим Вендерс, так что это особый случай.

Вам не хочется остановиться, уйти на пенсию? А с какой, собственно, стати?

Например, чтобы отдаться кулинарии. Да я с ума сойду! Мне повезло, что во мне еще живет любопытство. И заметьте: меня интересуют многие вещи, а не только собственная персона. Меня интересует кино, для меня важна жизнь окружающих. О ней я узнаю не только из кино — существуют еще и телевидение, Интернет... Существуют ли причины отказываться от этого всего? Я их не вижу.

Похоже, любопытство вы цените превыше прочих добродетелей... Есть люди, которые умирают задолго до смерти.

Но это не ваш случай? Пока, кажется, я жива.

Как вы оцениваете современное французское кино? Я вам называла Озона, еще мне интересен Оливье Ассаяс. Другая сторона — кинематограф, который делают молодые женщины-режиссеры, теперь их во Франции больше с каждым годом. Для меня очевидно, что современный европейский кинематограф переживает кризис. Программа Канн, Венеции, последнего Берлинского фестиваля это подтверждает. Несмотря на финансовую власть американского кино, ему не хватает стремления к постоянной трансформации. Все, что для них важно, это снять побольше блокбастеров и заработать побольше денег. Но их сюжеты... То ли Рауль Уолш, то ли Джон Хьюстон сказал: «Есть три вещи, важные для фильма: сюжет, сюжет и еще раз сюжет». Сегодня мы видим, что в каждом фильме рассказывается и бесконечно пережевывается одна и та же история. Возьмем «Матрицу»: от первой части я была без ума, а потом посмотрела «Перезагрузку» и пришла в восторг от Киану Ривза — обожаю этого актера, — но сюжет, между нами, абсолютно дебилен. Сценаристы со всем обленились. Смешали все религии, от язычества до буддизма, и могли бы сделать из этого что-то и посылнее. Есть, правда, и другие американцы, как Оливер Стоун. Он идет своей дорогой, не сходит с нее. Хотя не так уж невинно желание рассказать заново историю Александра Македонского, человека, который завоевал полмира, навязав другим странам свое видение мира.

Не кажется ли вам, что кинозвезды занимают сегодня в сознании людей меньше места, чем прежде? Пятнадцать лет назад я бы с вами согласилась, но не сегодня. Потрясающе тупое зрелище — подъем авторского кино, с которым начали появляться актеры, говорящие перед журналистами: «Нет-нет, какая я вам звезда, я нормальный человек». Они нагло врут. Дело не в том, что актеры лучшие остальных людей: они просто не похожи на остальных. Если бы публика не чувствовала тайны в самом существовании актеров и актрис, им бы не задавали бесконечных вопросов о том, как и с кем они

“во мне еще живет любопытство”

живут, чем интересуются. Это обновленное любопытство доказывает, что в актерах есть что-то особенное. Остальное зависит от человека. Хичкок сказал: «Ненавижу актеров и актрис, которых фотографируют на кухне». С той секунды, когда ты открываешь свою дверь фотографу и позволяешь снять себя на кухне, ты пропал. Я сказала, что люблю готовить, но никогда и никого не пущу смотреть на это. В конце концов, кулинария — подлинная алхимия, это работа для волшебника. Это вам не посуду вымыть! Я могу готовить что угодно, но это мой личный секрет. А актерам скажу: хватит называть себя нормальными людьми. Кто захочет смотреть на нормальных людей, таких же, как они сами, в тапочках и пижамах? Дураков нет.

Рецептов не спрашиваю — просто хочется спросить, какие блюда вы готовите на своей кухне? Любые. Я слишком много путешествовала, всему научилась. Могу блины приготовить, могу борщ. И уж конечно, салат «Оливье». У нас его называют «Русским салатом».

ее любили Жюль и Джим

Жанна Моро — актриса, на счету которой уже более ста ролей: останавливаясь она не собирается, считая возраст «лишь очередной цифрой». А ведь в будущем январе ей стукнет 76. Дочь монмартрского ресторатора, она начинала как театральная актриса и танцовщица, чтобы стать к концу пятидесятых международным секс-символом кинематографа (это случилось после премьеры скандальных «Любовников» (1958) Луи Мале, содержавших невиданно откровенные по тем временам эротические сцены). С режиссерами Жанне Моро повезло, как никому. Она снималась не только у провозвестника «новой волны», влюбленного в нее Мале, но и у лидеров этого новаторского направления Жан-Люка Годара и Франсуа Трюффо. Последний подарил ей лучшую роль ее карьеры — Катрин, женщины-мечты двух мужчин, закадычных друзей, в фильме «Жюль и Джим» (1962). Моро сама выступила сопродюсером картины и заявила, что закажет на свою могилу надгробную надпись: «Возлюбленная Жюля и Джима». Она становилась музой Микеланджело Антониони в «Ночи» (1961), Орсона Уэллса в «Процессе» (1962), Луиса Бунюэля в «Дневнике горничной» (1964), Райнера Вернера Фассбиндера в «Кереле» (1982). Впрочем, любили ее и простые смертные, представляла ли она в облике королевы Маргариты Наваррской (1954) или Маты Хари (1964), Жанна Моро не только актриса, несть числа иным ее ипостасям. В 1976-м она дебютировала как режиссер в фильме «Люмьер», в 2000-м — как театральная режиссер со спектаклем «Разум», а в 2001-м поставила в Парижской опере «Атилли» Верди. Она стала первой женщиной, вошедшей во французскую Академию изящных искусств, единственная дважды возглавляла жюри в Каннах (в 1975-м и 1995-м), стала доктором искусств в Нью-Йоркском университете. Она дружила с Генри Миллером, Жаном Кокто и Жаном Жене. Она подарила своему нуждающемуся другу «Роллс-Ройс», выступала против абортов и призывала к гражданскому неповиновению. Она отвергла роли в фильмах «Спартак», «Пролетая над гнездом кукушки», «Рок-о и его братья» и «Пианистка» (в двух последних ее заменила Анни Жирардо), но сыграла в «Фальстафе» Орсона Уэллса, согласившись по причине урезуемого бюджета получить гонорар... в серебряных тарелках. Может, поэтому — но наверняка не только — Уэллс назвал ее величайшей актрисой в мире.